

Понятие истины в диалектической логике Ильенкова

В историю логики философ-марксист Эвальд Васильевич Ильенков (1924—1979) вошел как один из немногих, кто в XX веке продолжал разрабатывать предметную логику, учитывающую природу и порядок существования вещей, с которыми имеет дело человеческий разум.

Классическая, аристотелевско-схоластическая логика не учитывала различия предметов мышления. Ее назначением было следить за тем, чтобы словесное (или всякое иное знаковое) выражение мышления соответствовало себе, поэтому закон тождества и запрет противоречия стали ее верховными основоположениями. Задачу исследования общего порядка природы эта логика возлагала на метафизику. А та в свою очередь активно пользовалась методами и рекомендациями формальной логики, вследствие чего порядок природы представлялся метафизикам в образе древа родовых и видовых абстракций вроде Древа Порфирия.

Во времена Галилея и Декарта сделалось уже очевидным, что формальная логика не в состоянии служить действенным методом теоретического мышления, поскольку прилагает одинаковую логическую мерку к вещам, совершенно различным по своей природе. Тогда-то и начались поиски новой логики, которая оказала бы реальную помощь в деле познания природы.

В «Диалектической логике» Ильенков прослеживает историю формирования этой конкретной логики Дела. Корень ее он находит уже в «Метафизике» — именно она, а не «Органон», открывает нам высшую, «объективную» логику Стагирита, утверждал Ильенков. Основоположением ее является принцип тождества мышления и бытия: такая «сопричастность» ума своему предмету, в силу которой «ум и предмет его — одно и то же».

Потенциал этого логического принципа полнее всего удалось раскрыть Спинозе — любимому философу Ильенкова. Уже в первом наброске своей философии Спиноза самым радикальным образом постулировал объективность мышления: мы сами никогда не утверждаем и не отрицаем ничего о вещи, но сама вещь утверждает или отрицает в нас нечто о себе¹. Истинное познание требует «отдаться

¹ См. Б. Спиноза. Избранные произведения. Т. 1. М., 1957. С. 139.

² Г. В. Ф. Гегель. Феноменология духа. М., 2000. С. 33.

³ См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1. С. 7.

жизни предмета», — скажет впоследствии Гегель². Ну а молодой Маркс назовет разум «всеобщей скромностью духа», который относится к каждой вещи сообразно ее особому существу³.

ИЛЬЕНКОВ ПРОДОЛЖАЕТ эту историческую традицию в науке логики. Характер мышления определяется не особым устройством мозга или моего «Я», а предметами, о которых мы мыслим, постулирует он. Человек разумен постольку, поскольку он действует по логике вещей. «Мышление» есть не что иное, как способность («умение») обходиться с каждым предметом умно, то есть в соответствии с его собственной природой⁴.

⁴ См. Э. В. Ильенков. Школа должна учить мыслить. М.; Воронеж, 2002. С. 86.

У разума нет никакой собственной, «эгоистической» логики, он универсален, как сама природа. Полное описание схемы действий мышления равнозначно построению точной модели вселенной, являющейся предметом мышления.

⁵ См. Б. Спиноза. Избранные произведения. Т. 1. С. 403.

Согласие мысли с предметом есть то, что обыкновенно именуется «истиной». Спиноза, однако, считал это согласие всего лишь «внешним признаком» истины⁵. Обычное определение истины выражает ее природу столь же мало, как платоновое «животное двуногое без перьев» выражает природу человека. Разумеется, «истинная идея должна быть согласна с своим объектом» — для Спинозы это — простая аксиома⁶. Данный признак действительно присущ всякой истинной мысли, однако вовсе не он делает ее истинной. Ложные идеи тоже всегда соответствуют чему-либо реальному.

⁶ См. там же. С. 362.

Спиноза ищет критерий истины не по ту сторону мышления, а внутри него. Настоящая истина не нуждается в сличении с вещью, она сама себя удостоверяет: «*veritas sui sit norma*» — «истина есть сама себе критерий». Если, к примеру, некий мастер создал идею здания, эта последняя может быть истинной, хотя бы ее предмет никогда не существовал, то есть независимо от того, было ли это здание построено. И напротив, если кто-нибудь утверждает, что Петр существует, не зная этого достоверно, его мысль не является истинной, хотя бы Петр и существовал⁷.

⁷ См. там же. С. 343.

Следовательно, в самих по себе идеях имеется нечто реальное, что и отличает истинные идеи от ложных. Эту «объективную сущность» идеи Спиноза именуется достоверностью⁸.

⁸ См. там же. С. 330.

Тему имманентной достоверности знания, снимающей неразрешимую, больше того — нелепую, задачу соотношения знания с предметом, великолепно развил Ильенков: «“Знание”, которое еще приходится специально соотносить с предметом, вовсе и не есть знание как таковое, а есть только

иллюзия, есть только суррогат знания... При этом происходит вовсе не усвоение предмета (а знание ни в чем другом, кроме этого, и не может заключаться), а лишь усвоение фраз об этом предмете, лишь усвоение вербальной оболочки знания вместо знания. Здесь-то и таится корень той иллюзии, на почве которой потом и вырастает своеобразная и по сути своей нелепая, иррациональная проблема «соотнесения» знания с предметом. Это проблема, которая рационального решения не имеет и иметь ⁹ Э. В. Ильенков. Школа должна не может по самой ее природе⁹.
учить мыслить. С. 80–81.

Не потому, что предмет как таковой не может быть воспринят познающим субъектом, как полагал Кант, а потому, что «знание», требующее особой проверочной операции соотнесения себя с предметом, — это мнимое знание, или псевдознание, предмета. Знание данного предмета лишь на словах, а не на деле. «Вот в чем роковая разница. Человек гораздо реже видит и знает предмет, чем думает. Чаще всего в предмете он видит только то, что знает со слов других людей, поскольку с самим ¹⁰ Там же. С. 84. предметом он по сути дела и не сталкивается»¹⁰.

Тому, кто знает, что такое стол, нет нужды «верифицировать» свое понятие стола фактами опыта. Иное дело, если человек узнал слово «стол», но при этом понятия стола у него нет. Вот тут действительно встает проблема «верификации». Принципиальную разницу между знанием словесным и понятийным, формальным и предметным всячески подчеркивал и Спиноза. Различие между самой вещью и ее понятием кажется пропастью лишь тому, кто «понятием» именуется словесное выражение мыслей и не имеет понятия о понятии как таковом — «о понятии, которое ¹¹ Б. Спиноза. Избранные произведения. Т. 1. С. 139. душа имеет о вещи без слов или вне их»¹¹*. Восприятие со слов (ex auditu) Спиноза расценивает как низшую и неадекватную форму познания предмета, а смешение слов с понятиями — как причину самых тяжелых заблуждений и пустых словопрений.

В логике это смешение неизбежно ведет к скептицизму с его утверждениями о невозможности знания истины и невыразимости «вещей самих по себе» в форме понятия (на самом деле — псевдопонятия, словесной абстракции, которую номиналистическая логика выдает за понятие). Ильенков много писал на эту тему, начиная с первой своей книги**, где критике абстрактного гибрида слова и мысли, именуемого в учебниках формальной логики «понятием», отведен целый параграф «Об отношении представления к понятию».

* Ср.: «Этика». II Теор. 47, схола.: «И действительно, большая часть ошибок состоит лишь в том, что мы неправильно прилагаем к вещам названия... Отсюда-то и возникает большая часть несогласий, а именно или вследствие того, что люди неправильно выражают мысли, или вследствие того, что неверно истолковывают чужие».

** Авторская версия рукописи, написанной в середине 1950-х годов, была опубликована лишь в конце прошлого века (см. Э. В. Ильенков. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997).

За понятия в этой логике принимаются слова («термы» и «предикаты») и составленные из слов высказывания («пропозиции»), в качестве же предмета, которому такое понятие должно соответствовать, выступают факты опыта. На почве такого формального понимания истины как «верифицированной пропозиции» вырастает логический позитивизм, равно как и его «постпозитивистская» самокритика.

ДЛЯ ИЛЬЕНКОВА ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ФАКТЫ — одного абстрактного поля ягоды: эмпирические абстракции. Любая абстракция чего-то стоит лишь при условии, что за ее спиной стоит и в ней «просвечивает» конкретное понимание сути дела, всеобщих законов существования данного предмета. Истинность высказывания обусловлена не его согласием с фактами, а качеством понятия, представленного в том высказывании и в тех фактах.

«Новые факты, новые чувственные данные отпечатываются не на “чистой доске” пустого сознания, а всегда воспринимаются в уже развившееся сознание, преломляясь при этом через всю систему ранее накопленного знания, через всю систему понятий, категорий. Таким образом, развитая система понятий ведет себя как относительно самостоятельная сфера по отношению к каждому новому чувственно воспринимаемому факту. Активность этой сферы проявляется уже в самом отборе фактов — не говоря уже об их теоретическом истолковании»¹².

¹² Там же. С. 187.

Изложение фактов бывает более или менее точным, однако истина есть нечто большее, нежели простая точность. Как и высказывания, факты бывают «умными» и не очень: одни факты имеют всеобщее теоретическое значение, другие — пусты и бесполезны для понимания предмета. «Умный» факт является микропонятием. В науке факты теоретичны: что в рамках одной теории считается фактом, то для другой может оказаться чистой видимость, иллюзией (например, «сила тяготения» в ньютоновской механике и общей теории относительности). Поэтому факт никак не может быть беспристрастным судьей в споре теорий.

Впоследствии это отлично продемонстрирует Имре Лакатос — единственный из «философов науки», о ком Ильенков отзывался с уважением. Факты опыта не могут ни подтвердить, ни опровергнуть научную теорию, ибо теория выводится вовсе не из этих фактов. Напротив, научная теория сама должна генерировать факты — открывать или предсказывать неизвестные прежде явления природы, настаивал Лакатос.

Для Ильенкова, впрочем, дело не столько в новизне факта, сколько в его теоретической значимости. Главное заключается в том, чем данный факт способен помочь в развитии теории. Одни факты помогают понять природу предмета, другие только мешают ее пониманию, отвлекая мысль в сторону, переклюкая ее на частности и случайности. Если высказывание строго-настро

соответствует факту, но сам этот факт является «посторонним» — несущественным для предмета мысли, то в предметной логике «истинностная ценность» (truth value) такого высказывания равна нулю или скорее составляет отрицательную величину, поскольку препятствует познанию предмета.

Отсечь скальпелем абстракции существенные факты и высказывания, характеризующие предмет исследования, от побочных, обусловленных взаимодействием данной вещи с вещами иной природы, — такова всякий раз конкретная задача познания. Образующиеся в процессе ее решения понятия Ильенков именует «конкретными абстракциями»*.

«Каждое понятие (если это действительно разработанное понятие, а не просто словесно зафиксированное общее представление) есть конкретная абстракция, как бы “противоречиво” ни звучало это положение с точки зрения старой логики. В нем находит выражение всегда “вещь” (то есть чувственно-эмпирически констатируемый факт), но вещь со стороны того ее “свойства”, которое ей специфически принадлежит как элементу данной конкретной системы взаимодействующих вещей (фактов) <...> Вещь, рассматриваемая вне всякой конкретной системы отношений ее с другими вещами, есть тоже абстракция — ничуть не лучшая, чем “отношение” или “свойство”, рассматриваемые как особый предмет, отдельно от вещей, их материальных носителей»¹³.

¹³ Э. В. Ильенков. Понимание абстрактного и конкретного в диалектике и формальной логике. — «Диалектика и логика. Формы мышления». М., 1962. С. 208.

Если формальная абстракция схватывает лишь сходство, общие признаки вещей, то в понятии фиксируется уникальная, конкретная взаимосвязь вещей в качестве моментов единого целого, или, как говаривал Гегель, «тотальности». Разрозненные поначалу факты как бы «срастаются» в одно конкретное целое (так, падение яблока, морской прилив и движение планет срослись в понятии «всемирное тяготение»). Истинное есть целое: «Das Wahre ist das Ganze». Конкретность является объективным и вместе с тем «внутренним», имманентным критерием истинности мышления.

Абстрактное и конкретное, как и все прочие категории диалектической логики, одновременно выступают как формы и мышления, и действительности. Ильенков резко протестовал против истолкования «абстрактного» как мысленного, отвлеченно-общего, а «конкретного» — как единичного, чувственно-созерцаемого. «Абстрактный» в диалектической логике означает «неразвитый, односторонне развитый» и «изолированный, оторванный от целого». Восхождение от абстрактного к конкретному есть форма исторического саморазвития любого «органического целого» и вместе с тем метод теоретического познания целостных предметов.

* Этот диалектически звучащий оборот, возможно, позаимствован Ильенковым у Гегеля. Например, в «Лекциях по философии всемирной истории» греческий дух характеризуется как «die konkrete Abstraktion» (см. G. W. F. Hegel. Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte. Hrsg. G. Lasson. Hamburg, 1923. S. 570).

История всякой конкретной вещи начинается с практического обособления ее от своего прародителя и стремления (спинозовский *conatus*) как можно полнее и разнообразнее реализовать заложенный в ее природе (субстанции) потенциал. По мере того как совершается эта реальная конкретизация предмета, он открывается для адекватного познания. Истина есть знание конкретного, постижение исторически развитого целого как «единства многообразного».

О МЕТОДЕ И ФОРМАХ такого — исторического и логического — «восхождения к конкретному», а стало быть к истине, были написаны кандидатская диссертация (1953) и первая книга Ильенкова, завершенная параграфом «Конкретное как противоречие в его развитии». Истина есть разрешенное, «снятое» противоречие — таково самое конкретное логическое определение истины, в отличие от ее абстрактной, формальной дефиниции как согласия мысли с предметом. Диалектическая логика есть метод разрешения объективных противоречий.

Логика формальная имеет дело с противоречиями, обязанными своим существованием невнимательности или небрежному обращению с понятиями. От таких противоречий можно и нужно избавляться. Но ведь взаимно отрицать и уничтожать друг друга могут не только понятия: делать это могут и сами вещи — «субъекты», вполне реальные.

Если формальное, мнимое противоречие должно быть устранено из мышления, то реальное должно быть разрешено.

Наткнувшись на противоречие, надлежит вначале разобраться, что перед нами: следствие неправильного рассуждения или описание реального положения вещей? Сначала проверке подлежит первая из этих двух версий. Мысль поворачивает вспять и последовательно, шаг за шагом проверяет каждое свое действие вплоть до постановки проблемы (того, что, как говорят математики, «дано», — условий задачи). Если такая проверка не выявила ошибки, стало быть, перед нами реальное, истинное противоречие. В этом случае мышление должно изучать уже не форму собственных действий и высказываний, а свой предмет. Противоречие в нем, а не в нас. И сам предмет должен подсказать нам способ решения проблемы, фиксируемой в логической форме противоречия.

«Диалектика и заключается в том, что мы четко и ясно формулируем “противоречие”, доводим его до полной остроты и ясности выражения, а затем — находим ему реальное, конкретное, предметно-наглядное разрешение. И это именно происходит всегда путем открытия нового факта, в состав

¹⁴ Э. В. Ильенков. Школа должна учить мыслить. С. 28.

ве коего ранее выявленное нами “противоречие” одновременно и осуществляется, и конкретно разрешается»¹⁴.

К похожему выводу придет независимо от Ильенкова и иным путем Лакатос: «действительное противоречие» и открытие «новых фактов» — таковы два атрибута истинно научных теорий. «Во всех исследовательских программах, вызывающих мое восхищение, присутствует одна общая черта. Все они предсказывают новые факты, факты, которые считались невообразимыми либо действительно противоречили предшествующим или же конкурирующим программам»¹⁵. ¹⁵ I. Lakatos. Philosophical papers. Vol. I. P. 5.

Правда, у Лакатоса новый факт лишь удостоверяет эвристическую мощь теории, как видно из примера с предсказанием кометы Галлеем. «Исследовательская программа» не стала более истинной оттого, что комета появилась в расчетной точке спустя много лет после смерти Галлея. И окажись расчеты ученого ошибочными, это не опровергло бы ньютонову небесную механику. Теория порождает факты, однако сама она фактами не порождается. Конкретного, «органического» единства теории с фактами у Лакатоса нет.

Иначе обстоит дело в диалектической логике Ильенкова. Тут факту отводится роль ключа, отмыкающего врата истины. Поиск ключевого факта, точь-в-точь подходящего к «замку» противоречия, является единственным способом создания теории. Самому Ильенкову мышление в ситуации противоречия напоминает разомкнутую электрическую цепь. На одном конце ее накоплен положительный заряд, на другом — отрицательный. Необходимо найти условие, благодаря которому разрядилось бы напряжение. Пробуем замкнуть концы кусочком стекла или дерева — ток не идет, напряжение сохраняется. Но стоит прodelать то же с частицей металла и...

Объективное противоречие снимается посредством нахождения в эмпирической истории предмета такого конкретного факта или условия *икс*, благодаря которому данный предмет возникает. Так действует сама Природа, «синтезируя» все новые типы существ и явлений. Диалектическое мышление прослеживает этот процесс эволюции мира, выясняя условия рождения на свет (в муках противоречий) той или иной новоявленной сущности.

Ну а нерешенное противоречие разрушает вещь. Отчего же гибнут вещи, как не из-за неодолимых противоречий? Противоречие есть форма не только рождения, но и смерти. В одном лице и палач, и повивальная бабка всего сущего. На то оно и противоречие, чтобы совмещать противоположное.

Умение «выносить напряжение противоречий» и находить им конкретные формы разрешения Ильенков считал показателем культуры мышления, «ума». Человек, закрывающий глаза на реальные противоречия, при столкновении с ними впадающий в протрацию или в истерику, по праву может быть назван глупым.

Сказанное справедливо и в отношении логиков, требующих запрета любых противоречий в теоретическом мышлении. Дескать, противоречия

водятся лишь в «речах», сами по себе вещи непротиворечивы. Удивительнее всего, что запрет мыслить противоречия в вещах обычно провозглашается от имени науки, полностью отвлекающейся от «вещественного» содержания высказываний. Формальная логика знает о реальных вещах не больше, чем арифметика о числе кроликов на планете.

ЕСЛИ ТА ИЛИ ИНАЯ ТЕОРИЯ терпит поражение и уходит в историю, то не потому, что ее «фальсифицируют» факты опыта (это невозможно), а потому, что она справляется с противоречиями хуже, нежели это делает конкурирующая теория. «Теорию нельзя опровергнуть, не создав лучшей теории взамен», — говорит Лакатос. Но достаточно ли превосходства по части предсказания новых фактов, чтобы считаться лучшей? Для Ильенкова этого мало. «Лучшая теория» обязана быть конкретнее прежней. Она не просто отодвигает прежнюю в сторону, но наследует ей, вбирает ее в себя, превращая в собственный абстрактный момент и в «частный случай» общего им предмета. Лишь когда «исследовательской программе» удастся поглотить и ассимилировать своих прямых конкуренток, ее превосходство может считаться доказанным.

Истина рождается в преодолении заблуждений. Если мы не просто отреклись от заблуждения, но разобрались в его причине и поняли, в чем конкретно ранее заблуждались, то тем самым заблуждение обратилось в истину. Причем в истину абсолютную, ибо данное заблуждение снято раз и навсегда.

А вот заблуждения, в отличие от истин, абсолютными не бывают. Любое заблуждение покоится на фактах опыта, просто те недостаточны для понимания самой сути дела или предмета. Вынося суждение или действуя на основании негодных фактов, человек заблуждается. «Заблуждение, следова-

¹⁶ Э. В. Ильенков. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1974. С. 42.

тельно, начинается только там, где ограниченно верному способу действий придается универсальное значение, там, где относительное принимают за абсолютное»¹⁶.

Этот урок Ильенков также берет у Спинозы, характеризуя его понимание различия истины и заблуждение как «глубокое» и «принципиально верное».

Заблуждение возникает, если абстрактное, частичное знание предмета мы сочли за конкретное. Истинная идея, опровергая ложные, не отбрасывает их за ненадобность, а устанавливает реальные пределы, внутри которых «снятые» идеи были совершенно верны. Показывая границы истинности той или иной ошибочной точки зрения, мы преобразуем этим абстрактную идею в конкретную, то есть истинную. Так, Эйнштейн, очертив настоящие границы истинности законов механики — разрушив ее притязания на абсолютную полноту истины, не опроверг эти законы, а просто

их уточнил, конкретизировал. Можно сказать, что именно благодаря Эйнштейну ньютоновская механика превратилась из истины относительной в абсолютную.

И истина, и заблуждение выражают объективную реальность, это две полярные формы ее выражения в человеческом мышлении. В диалектической логике Ильенкова между реальностью и мышлением нет ни малейшей щели. Мышление понимается как идеальная форма самовыражения реальности, как ее, реальности, собственный атрибут.

Но что представляет собой эта реальность как таковая? Для Ильенкова это предметно-практическая деятельность людей, «общественно-историческая практика», изменяющая одновременно и внешний мир, и самих людей. Чем богаче содержанием эта реальность, тем конкретнее, а значит — истиннее, и человеческое мышление. «Отождествление (то есть тождество как акт, как действие, как процесс, а не как мертвое состояние) мысли и действительности, совершающееся в практике и через практику»¹⁷.

¹⁷ Э. В. Ильенков. Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии. — «Диалектика — теория познания. Историко-философские очерки». М., 1964. С. 51.

Это, конечно, уже не Спинозовский и не Гегелевский, а сугубо марксистский поворот мысли. Практическая деятельность, в отличие от чувственного созерцания и «опыта» (в кантовском смысле), имеет дело не с феноменами, а с вещами как они суть «в себе». Она преобразует вещи сообразно их собственным законам и потребностям человека. Предметное действие субъективирует внешнюю вещь и объективирует соответствующий ей «феномен» сознания, представляя его как вещь и тем самым снимая различие между знанием и вещью. Знание оказывается деятельной формой выражения природы самой этой вещи.

Для такого, «практически истинного»* знания проблема соответствия с предметом вообще не встает, ибо это знание целиком и полностью возникает из предмета, извлекается из него человеческой деятельностью. Коль скоро человек почерпнул свои знания не с чужих слов, а в процессе деятельного «распредмечивания» вещи, то она сама и является источником достоверности знания, гарантом истинности своей идеи. «Если исходной точкой является реальное действие с предметом, сопровождаемое наблюдением над способом действия (“рефлексией”), то <...> знание при этом и выступает для человека именно как знание вещи, а не как особая, вне вещи находящаяся структура, которую еще нужно как-то к этой вещи “прикладывать”, “применять”, совершая для этого какие-то особые действия...

Знать предмет — и не уметь соотнести это знание (знание предмета!) с предметом?! Эта парадоксальная ситуация на самом-то деле возникает там, где предмета в действительности не знают, а знают нечто иное. Что?

* Термин Маркса: «praktisch wahr» (см. Marx/Engels. Werke. Bd. 13. S. 635).

Фразы о нем. Слова, термины, формулы, знаки, символы и их устойчивые, отложившиеся в науке сочетания, усвоенные (заученные) вместо знания

¹⁸ Э. В. Ильенков. Школа должна учить мыслить. С. 84, 86.

¹⁹ См.: К. Поппер. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. L., 1972. P. 157.

предмета, — как особый, над действительностью и вне действительности существующий предмет, как особый объект, как особый мир идеальных, абстрактных, призрачных «предметов»¹⁸.

Таков, например, «третий мир» Поппера, населенный «лингвистическими существами»¹⁹. Проблема соотношения знаний с вещами возникает как раз там, где они толкуются как два изначально разных «мира». Реальность («мир» номер один) оказывается для знания миром потусторонним, трансцендентным, а разумному существу («мир» номер два) отводится роль медиума, коррелирующего идеи с вещами. Истина же ютится между «мирами», подобно богам Эпикура. Неудивительно, что Поппер считал истину понятием сугубо относительным и существование абсолютных истин напрочь отвергал. Только ведь, как остроумно заметил один из учеников Ильенкова, С. Мареев, относительная истина без абсолютной — все равно, что Северный полюс без Южного. Бессмыслица.

Что до формальной дефиниции истины как соответствия знания и вещи, то она фиксирует лишь значение слова «истина». Никакого понятия, то есть конкретного понимания того, что есть истина, в этой дефиниции нет, поэтому сама по себе она не является ни истинной, ни ложной. Равно как и любая другая строчка из Толкового словаря. А вот тот, кто счел эту номинальную дефиницию за понятие истины, тем самым получил ложное понятие о том, что есть истина. Вернее, никакого понятия истины у него не было и нет, а есть лишь ошибочное представление о его наличии. Нечто подобное приключилось с королем из сказки Андерсена: он разгуливал голым, пребывая в уверенности, что одет в какое-то платье.

В диалектической логике знания и вещи обитают не в разных «мирах», а в одном-единственном. Это две стороны, два «атрибута» (идеальный и материальный) одной субстанции — человеческой деятельности. На том стояли Ильенков и его предметная логика Дела, в отличие от формальной логики Слова. Дефиниция истины в диалектической логике гласит: истина есть процесс восхождения к конкретному знанию предмета через разрешение его объективных противоречий.

